

A detailed illustration of a futuristic, cyberpunk city street at night. The scene is dominated by tall, dark buildings with glowing windows and neon signs. The sky is a deep blue, transitioning to a purple and pink glow near the horizon. A lone figure in a dark hoodie stands in the center of the street, looking towards the distance. The overall atmosphere is mysterious and high-tech.

Алексей Кривошапкин

Психбольница

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Сергеевич Кривошапкин

Психбольница

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70385350

SelfPub; 2024

Аннотация

Вообще психбольница не самое ужасное место на свете, там трудно, но, привыкнув, там вполне можно находиться. Да, бывают совсем ужасные условия и отношение к больным, но я был в обычной больнице. Самое сложное – это несвобода не только в смысле перемещения в пространстве, но и несвобода в плане общения с людьми, хочешь-не хочешь, а тебе приходится общаться с врачами, санитарями, другими пациентами, даже если они тебе несимпатичны или неинтересны.

Алексей Кривошапкин

Психбольница

Глава 1.

Из просто больницы я попал в психбольницу. Когда меня забирала машина, спросил санитаров куда везут. Они ответили, что мол домой. больше всего хотелось курить, но эти суки не дали сигареты. После четырех дней комы и двух недель в отдельном боксе, курить хотелось безумно. Сигареты стали наваждением.

Когда я очнулся после комы, в палате было еще два человека. Но одного сразу выписали, а второй был со мной до отправки в психушку. Дед, ну или мне казалось что он был дедом. Как его звать не помню, пусть будет Степанычем.

Наш бокс был каким-то особенным, ни до, ни после я таких палат в больницах не встречал. От пола до потолка решетка, дверь тоже решетчатая и запиралась на замок, причем висячий замок. Раз в два часа медсестра выпускала нас в туалет. Напротив двери почему-то постоянно за столом сидел здоровый парень, то ли медбрат, то ли доктор.

Первый поход в туалет со Степанычем был сказкой. Туа-

лет делился на три части: первая – тамбур, там все курили, стояли лавочки и умывальники; вторая и третья части – это, собственно, унитазы, разделенные перегородкой на женскую часть и мужскую. Вот там мы первый раз и покурили. Я не заметил даже как Степаныч сполз по стенке, а я не смог подняться с лавки. Какая-то девица с пирсингом в носу позвала врача. И следующие три дня в туалет мы ходили под присмотром. Потом конечно мы уже спокойно курили в тамбуре. Сигареты стреляли у курящих там людей (передавать сигареты родственникам запретили). В основном нам давали курево мужики, видимо сочувствовали больше.

Степаныч вообще нормальный мужик был, настреляет пять-шесть сигарет, половину мне отдаст. Я думал полежу ещё пару недель в приятной компании и поеду домой. Но был, как я уже сказал в начале, отправлен в психбольницу.

А ведь санитары и не шутили, действительно везли меня домой, в мой район, где и находится психбольница. Я, честно говоря, и не поверил, что задержусь там надолго. Ну обследуют да и отправят на все четыре стороны. Благо из психушки мне двести метров до дома. А получилось застрял там на три месяца.

Раньше, все восемь лет, я не хотел вспоминать про психушку и даже забыл. Но вот память не обманешь. Пусть мыс-

ли путаются и большую часть никогда уже не вспомнить, решил написать.

Психушка наша – это полная жуть. Построена была в 60-е годы XX века. Территория огромная, все здания шлаколитые. Всё рушится на глазах, внутри капитального ремонта не было как раз с 60-х годов.

Я был не единственный кого заселяли в это же время. Симпатичная врачиха, да что там, настоящая красавица лет 25-ти, нас оформляла. Меня быстро оформила, но пришлось остальных ждать на лавке в коридоре. Остальных было трое: Пашка – браконьер, Серега с белой горячкой и Света – просто тихая сумасшедшая.

Позабавило что врачиха сидела в верблюжьей кофте и рейтузах. Потом оказалось, что этот корпус называют холодильником. Попал я туда 23 декабря, мороз стоял приличный и в холодильнике просто не было батарей, их в 90-е годы украли и сдали в приемку металла.

За кабинетом врача шел коридор, а дальше начиналась наша вотчина. Два отделения: мужское и женское, разделенные опять таки коридором, в конце которого была столовая. Туалет находился напротив дверей мужского отделения, чуть дальше был вход в женское отделение.

В отличие от предыдущей больницы, здесь вообще не было дверей, только входная в корпус и пожарный выход, заколоченный гвоздями. Слава богу, курить не возбранялось, но только в туалете. И ещё действовало такое нехитрое правило: если справляет нужду или курит мужчина, то женщинам нельзя входить и наоборот.

Наконец сообщили моей маме и она принесла теплый свитер, продукты не разрешали приносить. Кормили отменно – тушеная капуста не первой свежести и такой же вареный минтай, чай без сахара и сухари к чаю, просто сухари из хлеба.

Неделя или две в холодильнике и пациент согласен на любые более-менее сносные условия. Я там провел неделю, хотя уверяли что после холодильника отправят домой, что в дурдоме мне делать нечего. Оказалось всё не так...

Глава 2.

В первый день перезнакомились. Серёга оказался немного замкнутым, особо о себе не рассказывал. Света похоже провернулась на почве религии, по вечерам молилась, с собой всегда носила Новый Завет. Она была женщиной крупной и очень доброй. В столовой всегда спрашивала хватило ли

всем еды. Если кто-то говорил что не хватило, то она отдавала свою порцию. Санитарка конечно следила чтобы Света ела.

А вот Пашка случай особый. Рыбак и охотник, абсолютно нормальный человек. В психушку направили для прохождения медицинского освидетельствования по решению суда на 30 дней (стандартная процедура), так как он в третий раз попался в запретной зоне с сетями и крупным уловом. Светил уголовный срок, потому что он отказывался платить штрафы, ссылаясь на свою инвалидность. В детстве в деревне подрался с пацаном, дело дошло до битвы на топорах и соперник проломил Пашке череп трёх местах. В башке у него реально стояли пластины. И так как вроде недееспособен, то и не подлежит уголовной ответственности. Если бы не этот браконьер, я бы, наверное, и не зацепился за реальность, а остался в дурдоме навсегда.

Через два дня, ночью привезли ещё одну постоялицу. Молодая девчонка истошно вопила и пиналась, два крепких санитаров кое-как её скрутили. Закрыли Иру, так её звали, в отдельную комнату. Всю ночь крики этой заполошной не давали нам спать. Пашка ходил к дежурной врачнице, чтобы угомонили Ирку каким-нибудь уколом или таблеткой, но никаких лекарств в холодильнике не было. Врач сказала, что на всех лекарств не хватает, потому пусть кричит, устанет и

уснет.

Утром бедолагу освободили, оказалась нормальной смешной девчонкой. Чего-то не того обкурилась, вот и начала бурагозить. Мать с ней не справилась, вызвала скорую, а те в свою очередь санитаров. Ирка была любительницей хэви-метала, так что было о чем с ней поговорить. Правда дерзила постоянно.

На третий день начались отходники у Серёги. Начал гонять бесов по палате. Вообще тоже закрыли его в отдельную комнату и даже укол какой-то сделали. Иначе поубивал бы нас к чертовой матери.

Как выяснилось позже, холодильник почти что зона абсолютной свободы. Можно курить когда хочется, читать, спать или слоняться по палате, даже шутить с санитарями.

Закончилась наша вольная жизнь на седьмой день. Утром санитарка зашла в женское отделение, а там Серёга трахается со Светкой. И было принято решение отправить нас всех по отделениям. Меня и Пашку отправили в 5-е отделение, Светку в тихое женское (вроде 2-е, точно не помню), а Серёгу в наказание отправили в 8-е отделение к буйным. Ирка осталась в холодильнике одна.

Бог создал мир за семь дней, а я за это время успел со всеми познакомиться и даже появилась какая-то привычка, но всё равно не верилось, что в дурке надолго. Замкнутый мир пяти человек из холодильника расширился до границ всей больницы. И дальше стало хуже.

Глава 3.

В наше 5-е отделение было недалеко идти, двухэтажное здание в ста метрах от "холодильника". На первом этаже располагалось наше мужское отделение, на втором этаже – женское.

Сначала нас поместили в наблюдательную палату, это была даже не палата, а холл в котором стояли кровати и было где-то человек тридцать. Один мужик был неходячий, лежал у входа, у него были отморожены ступни ног, двое больных за ним ходили: приносили еду, выносили утку и развлекали разговорами. Он был много раз судимый и вел себя вызывающе, хамил медсестрам и вообще строил из себя пахана.

Оказалось что наблюдательная палата – это очень странное место, в туалет по расписанию и только когда в это время никого больше нет в туалете, то есть прежде чем нас вести, из туалета всех выгоняли, потом запускали нас, можно было справить нужду кому какую и покурить. Так как я был ещё

слаб, мне медсестра ставила капельницы, как она сказала, с витаминами. Пол в палате мыли больные, мы с Пашкой были новенькие, так как вообще не в курсе их порядков, то нас особо никто не тревожил. В первый день вечером пол мыл толстый парень по имени Олег, несмотря на то что он был в наблюдательной палате, но мог свободно ходить по отделению. Чуть позже я узнал что Олег тут уже два года из четырех, он и его приятели на помойке увидели спящего пьяного бомжа, облили его бензином и подожгли, бомж умер. Олеговых друзей посадили, а его признали невменяемым и отправили на четыре года в психушку. За сигарету или конфету он соглашался мыть пол за любого кому выпадало дежурство.

Запомнился ещё мне один странный человек, он целый день слонялся по коридору и пел песни, причем пел он действительно классно и знал кучу песен, но только две-три строчки каждой песни. И так изо дня в день он курсировал по коридору. В наблюдательную палату нам приносили лекарства, выходить разрешалось только в туалет под наблюдением и на обед опять же под наблюдением, когда все остальные уже поели.

В столовой стоял телевизор и другие больные из обычных палат могли его смотреть или играть в шахматы, домино или просто валяться в своей палате. Мы были замкнуты в своей палате и таких привилегий были лишены, поэтому един-

ственным развлечением было разговаривать друг с другом. Я не был уверен что с остальными можно как-то разумно общаться да и что у этих психов на уме, а в Пашкиной адекватности я успел убедиться ещё в "холодильнике", вот мы с ним вдвоем и разговаривали, остальные тоже общались между собой, но меня это не особо интересовало.

Проблемы посещения туалета по расписанию конечно проявились сразу, когда можно было идти, не хотелось, а потом до следующего посещения приходилось терпеть что есть мочи. Некоторые больные обсыкались, если днем ещё после долгих уговоров санитар мог в не очереди пропустить в туалет, то ночью обычно всем было плевать, а кое-кто просто не мог проснуться из-за препаратов и мочился во сне. Один правда дед постоянно ссался не из-за режима, а потому что совсем выжил из ума.

Так прошло пять дней и видимо убедившись, что мы с Пашкой никаких проблем не создаем, нас перевели в обычную палату. Тут уже стало намного лучше, если вообще в психушке может быть лучше.

Глава 4.

Перевели нас с Пашкой во вторую палату, почему-то вместе переводили всегда. Тут было восемь коек, я ни с кем кро-

ме Пашки и ещё одного соседа по кровати не общался. Этот сосед был обычным деревенским дураком, родители у него были не богаты и приезжали навещать раз в месяц, привозили пряники, сок и несколько пачек сигарет без фильтра. Сигареты у него быстро кончались и он потом в туалете собирал бычки на полу или в мусорке и выклянчивал сигареты обещая отдать когда родители приедут в следующий раз, ему конечно ни кто уже не верил и сигаретами редко кто угощал. Мне было жалко его, иногда подкидывал ему что-нибудь пожрать или сигарету. Больных, которые собирали бычки в туалете, было человек семь, это были самые презираемые люди. Они всегда ходили голодные и злые.

Вообще я и за собой заметил, что если бы мне мать не приносила передачи, то наверное бы тоже мучился от голода. Не знаю почему, но есть хотелось постоянно, вроде бы маешься бездельем, всего делов-то походить по столовой туда-сюда (по кориду ходить просто так было нельзя), а так только лежишь или сидишь, по палате особо не походишь. Стоят кровати и тумбочки не сказать что вплотную, но достаточно близко.

Познакомился со Славкой, он был молодой парень, но уже дважды судимый, избил свою подругу и суд отправил его на освидетельствование в психушку. Вроде был вменяемым, но иногда очень агрессивным, особенно по отношению к на-

стоящим больным. Он каждый день играл в карты с одним больным дедом на сигареты, обычно играли в "очко" и Слава всегда выигрывал, даже когда не сам сдавал. Потом правда отдавал все выигранные сигареты обратно деду, себе одну-две забирал.

Однажды стал свидетелем как к этому деду пришла дочь навещать. Дед тоже был судимый не один раз, полжизни провел в тюрьме. Свидания проходили в таком небольшом тамбуре, находящимся между выходом на улицу и входом в отделение, такая буферная зона. Там стояли лавочки с левой стороны, а с правой находились кабинеты врача и сестры-хозяйки. Ко мне как раз пришла мама, а к деду – дочь. Сначала он просто просил забрать его домой, потом начал умолять, затем плакать и под конец попросился обратно в отделение.

Вообще главное проблема нахождения в психбольнице это тотальная несвобода, всегда под наблюдением, никуда не уединишься. Всё расписано: подъем, умывание, завтрак, прием таблеток, свободное время, обед, прием таблеток, сон.час, время посещений (если есть кому навещать), ужин, умывание перед сном, свободное время, чай или кефир с кусочком хлеба, особо голодные брали по два-три, а то и больше кусков хлеба (если они конечно лишние оставались), отбой.

Раз в неделю в среду приходила парикмахер и брила нас, кто хотел, того подстригала. Также раз в неделю был банный день. Мыться начинали с утра, так как ванны в специальной комнате было только две, поэтому заходили по четыре человека, пока первые двое мылись следующие двое раздевались, получали чистую одежду (трусы и пижаму, если были свои вещи то значит должен был быть свой комплект чистых вещей). Помывшись, получали чистое постельное белье, грязное выносили в коридор и скидывали в мешки, потом эти мешки двое доверенных пациентов уносили в прачечную. Самое сложное для некоторых больных было одеть одеяло в пододеяльник, приходилось таким помогать всей палатой застелить постель.

Препараты мне немного уменьшили и я хотя бы смог читать, а не только дрыхнуть весь день. Я всегда очень много читал, поэтому временное отсутствие чтения на меня немного давило, в столовой была тумбочка и в ней находилось несколько книжек видимо забытых пациентами. Пара детективов и какой-то женский роман. Их я пробовал читать, но не осилил. Пришлось просить маму чтобы она для начала купила несколько газет, когда я их прочел, причем с трудом, она принесла мне несколько книг.

Глава 5.

Постепенно дела начали налаживаться, опять стал читать. Вечером смотрел телевизор вместе со всеми в столовой. По утрам один пациент, пользующийся доверием персонала, включал телевизор, на время приемов пищи, приемов таблеток, сончаса и перед отбоем выключал. Утром он включал или МузТВ или MTV, вечером НТВ. Постоянно смотрели НТВшные сериалы про ментов и бандитов, но больным нравилось. Я в основном приходил посмотреть новости и если играли в домино или шахматы, то волей-неволей краем глаза смотрел и сериалы.

Был один мужик, уже в годах, так вот он очень любил играть в домино, когда выигрывал радовался как ребенок, а когда проигрывал, то бросал костяшки и начинал ныть мол дурацкая игра, зачем вы в неё играете, но через пару минут успокаивался и опять играл. Как-то перевели к нам в палату мужика средних лет, он был любителем шахмат, с кем ни играл – всех обыгрывал, а кому проигрывал с теми больше не играл. Предложил мне сыграть, я два раза проиграл, а потом два раза выиграл. Больше он мне играть не предлагал, но отношения с ним остались нормальные иногда даже разговаривали и на несущественные темы.

Отдельно надо рассказать о нашем питании. На завтрак обычно давали кашу, чай и кусок хлеба. В обед: первое (обычно суп с капустой, гороховый суп, суп с консервой),

второе (толченая картошка с кусочком курицы или минтая, иногда капуста опять же с курицей или минтаем, редко гороховая каша), третье (чай или какао с двумя кусочками хлеба). После сончаса полдник – чай и две печенюшки или стакан кефира и кусочек хлеба. Так как после сончаса было время посещения родственниками, то передачку можно было в это время поесть или отдать в буфет, там буфетчица подписывала продукты и убирала в холодильник или шкаф, в зависимости от продуктов. Потом в свободное время можно было подойти и взять что-нибудь пожевать, если конечно буфетчица была не занята и вообще находилась на месте.

Часто если начинал есть передачку, то тебя просто окружали больные к которых редко навещали или не навещали вовсе, и начинали выпрашивать что-нибудь поесть, неважно что, они ели всё. Обычно или не обращаешь на них внимания или посылаешь если совсем в наглуую начинают лезть. Можно позвать санитаря и он отгонит их, но я так никогда не делал, потому что прям конфликтных ситуаций особо не было. Да и держались мы в основном вместе: я, Пашка, Славка и ещё несколько более-менее нормальных людей.

Прием лекарств всегда принимал некоторую сумбурную форму. Все выстраивались в очередь к окошку медсестры, у каждого был свой номер, подходя к окошку называешь свой номер и медсестра дает тебе твои таблетки. Потом подхо-

дишь к санитару, открываешь рот, а он смотрит чтобы ты действительно проглотил таблетки. Один парень никак не мог запомнить свой номер, каждый раз подходя к окошку его спрашивали номер и он всегда начинал тупить, мы все давно уже выучили его номер 55 и конечно и медсестры и санитары его знали, но каждый раз начинали его донимать этим номером.

Глава 6.

Доктором у нас была женщина, она же была заведующей нашего отделения. По утрам совершала обход, подходила к каждому спрашивала как дела, шла дальше. Больше никаких действий не происходило. В остальное время она не появлялась. Я не знаю как происходит лечение, но видимо по диагнозу просто выписывают таблетки и наблюдают, есть улучшения или наоборот какие-то ухудшения, тогда меняют препарат или уменьшают дозу и наблюдают дальше. Один раз ко мне приходила девочка-интерн, она задавала общие вопросы, что-то себе записывала, потом её позвали и больше её не видел. Как-то провели группу студентов, они ни куда не заходили, просто прошли по коридору ненадолго останавливаясь у палат и смотрели на нас, мы смотрели на них. Вообще они достаточно быстро ушли, похоже была просто ознакомительная инструкция.

Не помню когда именно, но оказывается пришел какой-то приказ и больным разрешили выдавать только по шесть сигарет в день. Нормальных людей и пациентов, которых часто навещали, это особо не коснулось, просто прятали сигареты под матрац. Каждое утро проходил санитар и проверял тумбочки на предмет запрещенных вещей и продуктов, а так особо не обыскивали. Но это нововведение с шестью сигаретами в день нас конечно очень доставало, так как появилось много больных которые клялись сигареты, потому что они получали на складе положенные сигареты и к обеду обычно их выкуривали и весь день потом маялись.

Были такие пациенты, которые меняли сигареты на фрукты или шоколадные конфеты. Вообще шоколадные конфеты нельзя было передавать, но часто санитары не обращали внимания на это. Но бывало просматривали передачи и возвращали родственникам, то что не положено. Под запретом также был кофе, для меня лично это было проблемой, я – кофеман, чай совсем не люблю, в обычной жизни пью только кофе, а тут нельзя, но со временем привык. Из фруктов можно было передавать только груши и яблоки. Соки и напитки только в пластиковых бутылках и тетрапаках объемом не больше 0,5 литра. Виноградный сок нельзя.

Был один парнишка, он работал санитаром в обычной больнице в области, а так был на инвалидности, какой у него

диагноз я не знаю. Он какое-то время держался, работал, а потом уходил взапой и начинал гонять чертей, его отправляли в психушку, он здоровье подправит и опять на работу. Так вот этот парень всем ходил и говорил что можно продукты выменять на сигареты, причем всегда объявлял это громко и всем кому надо и не надо. И постоянно говорил что это как на зоне, там тоже можно выменять всё что угодно. Потом одному пациенту это надоело и он сказал парнишке что на зоне тебя за длинный язык давно бы уже убили. Больше паренек не предлагал никому выменивать продукты.

Пол в палатах нужно было мыть каждый день, мыли его сами пациенты. По идее должны были по очереди мыть, но среди сидевших, алкашей, тех кто на комиссии по суду и более-менее адекватных людей это считалось западло. Поэтому обычно кто-нибудь из больных соглашался за две сигареты помыть пол в твоей палате. Я никогда не мыл, когда приходила моя очередь просто давал сигареты желающему, такие всегда были, и спокойно занимался своими делами.

Глава 7.

Один раз Пашке жена передала копченного судака. Вот была радость, так как такую пищу нельзя было передавать, если конечно сразу не съешь. Он пронес его в палату и мы начали есть. Судак издавал такой аромат, что стали прихо-

дить другие больные просить кусочек. Естественно им никто ни чего не дал и кто-то из них пожаловался санитару. Пришел санитар и сказал нам чтобы мы ели в столовой (в палатах никакой еды быть не должно, запрещено, только может быть бутылочка с водой), а так никаких санкций. Пришлось перейти в столовую.

Вообще санитары в целом у нас были нормальные, бывало иногда строжились, но нормальным людям делали поблажки и жестко не прессовали, если конечно не нарушаешь режим. Один раз, когда врач делала утром обход, один больной кинулся на неё и хотел ударить, что-то она ему сказала и его это разозлило. Но санитары его быстро скрутили и привязали к кровати на сутки, поставили укол, он так и мочился под себя. Ночью начал орать чтобы его развязали, но ему снова поставили укол и он опять угомонился. Потом он правда, видимо придя в себя немного, просил прощения у врача.

За едой в кухню (она была в другом здании, там готовят на всех пациентов больницы) ходили больные, которые были на хорошем счету, тихие, не нарушающие режим. Под каждое блюдо свой бачок, под чай фляга и мешок под хлеб. Они всё приносили в столовую, где справа стороны был буфет, отгороженный от общего помещения столовой стеной, в стене дверь и окошко в которое выдавали пищу.

Так как я уже находился во второй палате, то мы как одни из самых адекватных сидели во время приема пищи за вторым столом, за первым сидели пациенты первой палаты, самые благонадежные из отделения. За несколькими следующими столами сидели пациенты из других палат. За самыми дальними столами сидели совсем больные и чушки, они сами не мылись, только под принуждением.

Проведя где-то около месяца в больнице меня вызвали к психологу. В сопровождении санитаря отвели в соседнее здание, где сидели специалисты, начальство и бухгалтерия. Кабинеты специалистов находились на первом этаже. Заведя к психологу в кабинет, санитар остался ждать в коридоре. Психолог была симпатичная женщина, даже веселая. Дала всякие карточки с картинками и надо было их разложить по кучкам, животные к животным, мебель к мебели, деревья к деревьям и т.д. Потом эти кучки надо было сгруппировать в более крупные, в результате в конце получилось две кучки – живое и неживое.

Потом она продиктовала десять слов и нужно было на время все их назвать в произвольном порядке. Затем были какие-то задачки, тесты и неожиданно она опять сказала называть те десять слов что она диктовала раньше, вспомнить как можно больше. Провел я у нее более трех часов в конце она опять попросила вспомнить те десять слов на время как

можно больше. Где-то в середине нашего общения у неё зазвонил телефон, она поговорила и показала мне видео, сын пришел со школы и снял видео как он делает уроки. Я похвалил его конечно. Только так и не понял зачем она это рассказала и показала видео. Может хотела как-то расположить к себе или хотела увидеть мою реакцию.

Когда я уходил психолог мне дала с собой тест, там было более 600 вопросов, нужно было отвечать да или нет. Пришли в отделение, мне дали карандаш и я в столовой заполнил этот тест, часа полтора ушло на это. Сдал тест и карандаш санитару (карандаши и ручки тоже запрещены, можно ими пользоваться только под присмотром).

Глава 8.

Прошел месяц и Пашку выписали, но я уже освоился и нормально общался с остальными больными. Тем более что адекватных людей там полно. Узнал что можно ходить в своей одежде (я думал только привилегированным можно), оказалось можно всем при условии что есть чистая сменная одежда.

Где-то через неделю после посещения психолога, отправили на прием к психотерапевту. Хорошая женщина, видно что много знает и любит свою профессию, но меня

не смогла ни чем расшевелить, я человек замкнутый, не особо иду на контакт с близкими людьми, а тут вообще чужой человек. Пообщались около часа, в основном говорила она, стандартные фразы, подход ко мне она не нашла. Это не её вина, просто видимо нужно было больше сеансов, но больше я у неё не был.

Был один мужик у нас в соседней палате, привезли с белой горячкой. Его сын отправил в больницу. Этот мужик был хорошим мастером по ремонту, работал в какой-то строительной организации главным инженером, вышел на пенсию. У него в принципе было всё нормально с нахождением в больнице, многое разрешалось. Он бесплатно делал ремонт, то плитку в ванной поклеит, там где отвалилась, то покрасит что-нибудь. За это ему разрешалось и кофе пить и разные неразрешенные продукты приносить.

Был один интересный мужик, он тоже был алкоголик и несколько раз судимый. Мы с ним постоянно играли в домино. У него на пальцах была татуировка ВОЛК. Как он сказал расшифровывается – Вора́м Оты́шка – Лега́вым Кры́шка.

Кровати у нас были железные панцирные, пружины постоянно лопались и спать было очень плохо, повезло тем у кого было по два матраца. По началу у меня был один и приходилось туго. Но когда перевели во вторую палату, то там на

всех кроватях было по два матраца, стало нормально спать. Один раз сломанные кровати приходили чинить, но они всё равно быстро лопались.

В один из дней пришла проверка в наше отделение, проводили инвентаризацию. В целом было всё нормально, но оказалось что у нас в столовой раньше стояло пианино, оно в своё время сломалось и его выкинули, но не списали и по документам оно числилось. Приказали устранить нарушение. Кто-то из санитаров нашел объявление в газете, отдавали бесплатно пианино, только самовывоз. В общем заведующая наняла Газель и отправила меня и еще пять человек самых адекватных его забирать. Мы ехали на больничном уазике-буханке, а санитары в газели. Забирали пианино в соседнем микрорайоне. Спустили со второго этажа, привезли затащили в столовую. Зачем там нужно было это пианино я не знаю, постоянно у кого-нибудь чесались руки подолбить по клавишам, открывать его запрещали, но за всеми не уследишь.

Ещё запомнилось что медперсонал сам просил родственников приносить лук и чеснок как профилактику от простуд, так как постоянно открывались форточки для проветривания. Во время обеда ставили чашку с очищенным луком и чесноком на каждый стол.

Глава 9.

Был ещё один интересный пациент. Его звали Сашка Неизвестный, фамилию дали в больнице, так как его нашли на вокзале и ничего о нем не было известно. Он плохо говорил, только или начала слов или окончания, с трудом, но можно было понимать что он хотел. Он много уже лет провёл в больнице. Когда только попал в больницу, сотрудники связывались с полицией всей области, отправляли ориентировки по отделениям и в газеты, но так его никто и не нашёл. Он был в целом безвредный, делал что ему говорили, работал по отделению, за это ему иногда подкидывали то фрукты, то шоколады. Раз в месяц санитар водил его через дорогу в магазин, где он покупал себе разных продуктов на месяц: печенье, пряники, соки и прочие разные вкусняшки.

Раньше я написал что у психотерапевта больше не был, но это не совсем так. Один раз было групповое занятие. Человек восемь из разных отделений собрали в соседнем здании в комнате. Для начала врач попросила выбрать музыку, выбрали звуки океана, всё занятие фоном играла эта музыка. Потом она начала нам рассказывать разные истории, что означает дух, душа, сознание и т.д. Я как-то и не запомнил что ещё она говорила, мне было неинтересно, другие пациенты с ней что-то обсуждали, включались.

Через какое-то время меня снова перевели, теперь в первую палату. Это была как бы самая нормальная палата. Один мужик лет сорока отбывал срок, не знаю как он доказал свою невменяемость, был абсолютно нормальный, но срок отсидивал в больнице. У него был сотовый телефон, он иногда звонил родственникам. Также мог заварить себе кофе или крепкий чай в комнате медсестер.

Один был бывший наркоман, он как-то попал в секту Свидетели Иеговы и там завязал. Ходил по отделению и всех агитировал примкнуть к его вере, я не заметил чтобы он кого-то привлек, но он всё равно постоянно ко всем приставал со своим Иисусом. Как только он завязал с наркотой, ему в общине нашли девушку, они поженились и родился ребенок. Ребенку было три месяца, когда он попал в больницу с нервным срывом.

Другой совсем молодой парень был из другого города, попался на продаже большого количества наркотиков и ему реально светил большой срок. Родители у него были не бедные и всячески пытались отмазать. Но так как доказательства были железные, оставался один вариант доказать невменяемость. Это была его третья экспертиза, первая назначенная судом признала его вменяемым, родители добились независимой экспертизы в Москве, там его признали невменяемым и вот теперь третья. Конечно он был абсолютно нормальным.

Четвертым был парень, который уже не первый раз лежал в больнице. Постоянно попадал, то после передозировки, то просто срывов. Он всем говорил что репер, пишет песни и выступал на сцене в разных клубах. Как-то раз читал мне свой стих.

Последний пациент первой палаты ни с кем не общался, ничего о себе не рассказывал. Я даже забыл как его звали и как он выглядел. Ну и собственно я.

В столовую на завтрак, обед и ужин мы ходили первыми, сидели за первым столом и никто не мог сесть за наш стол. Даже в свободное время мы могли сидеть за любым столом и играть в домино или шашки с шахматами, а за наш стол никто не садился, даже если мы за ним не сидели и он был пустой.

Глава 10.

Через какое-то время проходила комиссия, приехали врачи, была наша заведующая отделением. Вызывали по одному и решали, кого выписывать, кому продолжать лечиться. Было у нас несколько человек, которые ждали комиссию. Одно-го должны были после выписки отправить в интернат. Когда все прошли комиссию (человек семь), вызвали и меня. Я не

ожидал, думал меня это не касается. В середине стоял стул, на него пригласили присесть, врачи сидели полукругом тоже на стульях.

Спрашивали какая сегодня дата, какой год, бывает ли периоды уныния, сменяющиеся необычным подъемом, и прочую ерунду. Мой врач сказала: я же вам говорила, что он адекватный. Я даже удивился, мы с ней не особо как общались. Только на обходе она спрашивала как дела. Но какой-то врач – мужчина пожилой сказал что ещё нужно месяц понаблюдать. Я был немного шокирован. Рассчитывал выйти раньше.

Мужики поддержали, сказали ерунда, два месяца пролежал, ещё один пролежишь. Приходила мама, тоже успокоила. Сказала что разговаривала с моим начальником на работе и меня там ждут когда выпишут. А я думал что сразу уволят, как попаду в психушку, но начальник оказался человеком, я до сих пор ему благодарен.

Несмотря на то что была зима, один раз в теплый день нас решили вывести погулять. В кладовке всегда висели фуфайки и стояли валенки. Сходить погулять можно было всем желающим. Набралось человек двадцать, остальные остались в отделении. Когда мы выходили как раз закончило прогулку женское отделение. Возвращались они веселые. Ну, думаю,

чем-то наверно интересным занимались.

Гуляли сорок минут, просто ходили по двору туда-сюда да сидели на лавочках. Но главное подышали свежим воздухом. Один любитель делал зарядку, он каждое утро занимался и на улице всю прогулку прозанимался.

Больше нас гулять не выводили, потому что у троих поднялась температура, а у одного воспалился зуб и его возили к зубному вырывать зуб. У меня тоже заболело горло, была температура, правда всего один день, каждый день по вечерам прыскали в горло спреем, иначе спать невозможно было, а так хоть на три-четыре часа отпускало. Где-то за неделю горло прошло.

Был ещё один интересный дед. Бывший учитель в школе. Ходил собирал всякую ерунду, но иногда бывали у него периоды просветления. Привезли его к нам с бородой. Другие больные прозвали его Хоттабычем. По правилам в больнице нельзя носить бороду и усы. Его всем отделением уговаривали сбрить бороду, но он начинал кричать и драться. Пришлось его привязать к кровати и приходящий парикмахер сбрила ему бороду. После этого он даже как-то тише стал себя вести и можно было с ним пообщаться.

Глава 11.

Пришел Новый год. 31 декабря как обычно встали, пошли умылись, потом завтрак, раздача таблеток. Пришла социальный психолог, принесла с собой раскраски, цветные карандаши, пазлы, домино, шахматы, шашки. Некоторые её даже ждали, взяли раскраски, кое-кто пазлы. Она оказывается периодически приходила, общалась с больными, что-то рассказывала. Провела она с нами часа два. Я не подходил, мне было неинтересно. В основном с ней общались действительно сумасшедшие.

В обед тоже всё было как обычно, единственное изменение – выдали по две печенюшки, видимо в честь праздника. А так обычный набор: гороховый суп, рисовая каша с кусочком курицы, чай и два кусочка хлеба. С курицей тоже кому как повезет, кому-то кости достанутся, кому-то – кусочек мякоти. У кого что вкусное было в передачках можно было съесть в обед. Обычно не выдавали, передачи ели только после сончаса.

Притащили искусственную ёлку, медсестра её нарядила, поставили справа от телевизора. Близко подходить не разрешали, но всё равно кто-нибудь постоянно возле неё терся. Разрешили смотреть телевизор даже во время сончаса, только сделали звук потише. Но в основ в сончас все спали, я тоже от таблеток спал.

После сончасы наступало время посещений, мы после своей палатой собрались в столовой поели, друг друга угощали кому что принесли. Мне мама принесла мандаринов, орех, сало. Одному принесли копченую курицу, кому-то шоколадных конфет (в этот день сделали исключение и многие продукты разрешили приносить). Сашка, который отбывал срок в больнице, договорился и в сестринской нам заварили кофе, правда совсем уж некрепкий он был. Но всё равно кайф, я мечтал о кофе с первого дня в больнице.

Вечером, после приёма таблеток, как обычно все засели смотреть телек, кто-то играл в домино. Я немного посмотрел, какая-то лабуда шла, ушел в палату и слушал как бывший наркоман-сектант одному больному втирал про веру. Почему-то в основном по телевизору больные смотрели НТВ, видимо канал с ними на одной волне.

Еще по мимо шести сигарет, разрешенных на день, вечером выдали ещё по три. Для меня это было не проблемой, постоянно пачка лежала под подушкой, нас в первой палате не обыскивали, а для больных, у которых не было возможности прятать сигареты, это стало приятной неожиданностью.

Пришло время отбоя, а телевизор никто не выключает и по палатам не гонит, я спросил у санитаря, он ответил что за-

ведущая разрешила смотреть телевизор до двенадцати. Вообще посмотрели поздравление президента и пошли спать, хотя были недовольные и не хотели уходить в палаты. Но санитары всех разогнали.

Только уснули, один псих начал бурагозить, кидаться на санитаров. Они вдвоем его кое-как скрутили, привязали к кровати, поставили укол, но он ещё полночи что-то орал и не давал спать, потом видимо укол подействовал.

Вот такой вот Новый год, точно его не забуду.

Глава 12.

Однажды вечером привезли очень толстого мужика. Он вел себя неадекватно, кричал и приставал ко всем требуя какой-нибудь еды. Потом его привязали к кровати и он успокоился. На следующий день он всё равно приставал ко всем с едой, постоянно ходил голодный. Другие больные рассказали что его уже не первый раз привозят и у него сахарный диабет. Что сдают его в психушку родные сестры, хотят забрать квартиру, но его не признают сумасшедшим.

Пробыл он где-то неделю. И однажды вечером начался переполох. Этот мужик упал, начался задыхаться и даже уже посинел. Срочно вызвали скорую, никто к нему не подходил.

Скорая приехала быстро, забрала его. Потом, через две недели его снова привезли из больницы, но пробыл он недолго и через два дня выписался. Не знаю, правда или нет его пытались лишить квартиры, но после обычной больницы он вел себя вполне адекватно.

Как-то раз перевели к нам одного молодого мужика с белой горячкой, ему было 25 лет. Вел он себя нормально, но не мог спать по ночам. Как он сам рассказывал, как только наступала ночь ему начинало казаться что в палату лезут черти, а за ними горит огонь и всё вокруг в крови. Ему давали легкое снотворное, а потом и его перестали давать. Пробыл он с нами десять дней и выписался.

При мне случился один побег из нашего отделения. Тем кто идет на поправку можно было с посещающим родственником пообщаться на улице, погулять, посидеть на лавочке, спокойно съесть передачку без присмотра. К одному больному пришел брат и им разрешили погулять и пообщаться на улице. Они ушли, а минут через двадцать начался переполох. Больной рванул от брата к забору где росло наклоненное через забор дерево, по дереву перебрался на улицу и убежал в сторону частного сектора. Сразу сообщили в милицию и его через два часа привезли обратно, он бродил по улице и случайно вышел на милицейскую машину.

Я был удивлен, но никакого наказания беглецу не последовало. Поставили укол и отправили в палату. Жизнь вернулась в привычное русло через пару дней, перестали особо строго следить за посещающими и почти не досматривали передачи, хотя все думали что закрутят гайки на месяц не меньше.

Кстати, в первой части я писал о враче, которая принимала меня, очень красивая девушка, может мне конечно так казалось, но она точно была в моем вкусе. Так вот, два года назад я её встретил на улице. Она увеличила грудь и накачала губы, я был в шоке, просто изуродовала себя, хотя сейчас много таких женщин, выходит и любителей трансформеров стало много.

Глава 13.

Пребывание моё закончилось в больнице. Выписали и обязали ездить в поликлинику раз в месяц за рецептами на таблетки и для общения с психиатром. Хотелось бы порассуждать о больнице и нахождении в ней.

Самое тяжелое в лечении для многих – это несвобода и постоянный контроль. До попадания в больницу я даже и подумать не мог, что ограничение передвижения и замкнутый круг общения, настолько реальная проблема. От-

существование свободы ощущаешь физически, становится реально плохо. У всех проявляется по-разному, у кого-то – апатия, у кого-то – агрессия. Но человек ко всему привыкает, со временем стараешься не замечать каких-то ограничений.

Мне повезло, было немало людей с кем можно пообщаться, даже пошутить.

Персонал. У нас в отделении врач была одна на всё отделение, а это 50-60 человек. Как происходит лечение такого количества человек (это моё предположение). После приёма человек поступает с установленным диагнозом, а уже в самом отделении назначаются лекарства в соответствии с диагнозом. Вообще, шизофреников лечат по определенной устоявшейся методике, алкоголиков по своей, суицидников по своей. Выдают лекарства и дальше просто наблюдают, если происходит ухудшение – уменьшают дозировку или назначают другие препараты. Такой групповой подход, ни о каких индивидуальных беседах и лечении речь не идет, к пациентам не ищется подход. Ты просто выполняешь указания или не выполняешь. Если не выполняешь, то есть много способов заставить тебя подчиняться.

На какие-то проблемы пожаловаться не сможешь, вернее при посещении родственниками ты можешь им что-то рассказать. И даже они могут обратиться к твоему лечащему вра-

чу, но он скажет что ты болен, врачи всё делают правильно и нужно время. И родственники верят естественно врачу, так как тоже считают что ты нуждаешься в помощи, а все жалобы только продолжение твоих проблем.

Одна из интереснейших групп обитателей больницы – это санитары. Есть нормальные люди, они исполняют свою работу спокойно и относятся в целом ко всем одинаково (конечно у любого есть свои любимчики, но для остальных это не критично). Я не знаю что заставляет людей идти работать санитарями. Понимаю врачей, всё-таки психиатрия одна из самых интересных наук и многие выбирают её из интереса и призвания. А вот санитары просто командуют больными людьми, следят, наказывают или поощряют. Что тут может быть интересного?

Был один санитар, который постоянно до всех докапывался. Вечно привязывался к деду, который под подушку прятал хлеб, остающийся после обеда. Другие санитары спокойно относились к этому, он всё равно хлеб съедал, просто потом засушенный. А этот санитар часто обыскивал его кровать и начинал истерить если находил у деда хлеб и заставлял его тут же съесть или отдавал в буфет.

У меня в принципе со всеми были ровные отношения и с больными, и с персоналом. Но были две женщины, которые

очень хорошо ко мне относились. Первая – медсестра (ей было почти семьдесят лет), когда я поступил в отделение она ставила мне капельницы; вторая – одна из буфетчиц (тоже женщина в годах).

Конечно, рассказать можно о больнице много, но я многое забыл (не самый приятный опыт), многое не хочу вспоминать, а о многом я считаю не могу рассказывать по этическим соображениям.